

— Филология —

УДК 811.512.157:81.367.625.4

Г.Г. Филиппов

ПРИЧАСТИЕ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Проблема причастий рассматривается в комплексно-системном, функционально-диахронном и синхронном аспекте. Причастия якутского языка как полифункциональная форма глагола наиболее рельефно содержит триединую историческую сущность современных функциональных форм глагола: причастия, деепричастия (индикатива) и личной формы глагола.

Ключевые слова: глагол, функциональная форма глагола, причастие, деепричастие, личная (финитная) форма глагола, инфинитив, имя действия, отглагольное имя, предикативный член, субстантивный член, субстантивация, вербализация, адвербализация, склонение, простое склонение, предикативное склонение, безличное склонение, местоименное склонение, именное склонение, притяжательное склонение.

К причастиям в общем языкознании относят такие отглагольные формы, которые обозначают действие (состояние), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство). При этом особым семантическим содержанием причастия является выражение признака, проявляющегося во времени, а определяющей морфологической особенностью – его склоняемость [1, 363].

Тюркские причастия в общих чертах подпадают в рамки этого определения, но по своему синтаксическому употреблению (тем самым и морфологически) очень своеобразны. Эти своеобразия связаны с типологической и структурной особенностью агглютинирующих языков, их отличиями от флективных и иных языков. Отличия в синтаксисе и морфологии проявляются и внутри тюркских языков, что связано с глубинными историческими процессами самостоятельного развития отдельных тюркских языков, а также с воздействием неродственных и родственных, но прошедших особый путь развития языков. Это – объективный фактор своеобразного развития причастий отдельных тюркских языков. В определении содержания и объяснении сущности причастия важную роль играет и субъективный фактор. Например, по утверждению А.Н. Кононова, в турецком языке существует лишь одно причастие. Он писал «единственным причастием (неспрягаемая глагольная форма) является форма на *-(у)ан*, который восходит к аффиксу *-ган*» [2, 251]. Тем самым А.Н. Кононов считает причастиями те глагольные формы, которые употребляются только в качестве определения. Впоследствии развивая этот тезис, некоторые исследователи одну и ту же причастную форму называли то причастием, то личным глаголом,

то именем действия [3, 40-71]. Данные противоречивые суждения одни исследователи объясняли воздействием русского языкознания, т.е. рассмотрением их через призму признаков причастий русского языка [4, 93; 5, 10], а Иванов С.Н. рассматривает лишь как терминологическое, а не сущностное заблуждение [6, 146]. Н.И. Попова пишет: «Пока не разработано более убедительное теоретическое обоснование для применения иного, чем «причастие» термина в отношении широкофункциональных глагольных форм тюркских языков, представляется целесообразным данный термин сохранить» [5, 11].

По нашему глубокому убеждению, нет веских аргументов искать иной термин, чем «причастие», отдельно для этих глагольных форм тюркских языков. Причастие как любое грамматическое явление определяется по его трем свойствам (признакам): семантикой, синтаксисом и морфологией. Эти признаки как будто предельно ясны, но во многих научных грамматиках тюркских языков причастия определяются по-разному, что объясняется тем, какой из этих признаков (свойств) признается приоритетным и тем, какое дается определение.

Обычно в научных грамматиках преобладает сравнительно-сопоставительное толкование причастия, а в монографических работах вместо определения дается описание его свойств или классификация признаков. Прямое, конкретное научное определение причастия в тюркологической литературе встречается очень редко.

В сравнительно-сопоставительном аспекте причастие определяется как функциональная форма глагола, имеющая, во-первых, свойства имени прилагательного и глагола [7, 189]; во-вторых, свойства имени и глагола [8, 47]; в-третьих, свойства глагола и имени существительного [9, 10]; в-четвертых, функционально совпадает с именем существительным [10, 238].

Когда свойства причастия сопоставляются с признаками прилагательных, то во главу угла ставится их

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д.филол.н., профессор
института языков и культуры народов СВ РФ СВФУ.
E-mail: Sakha2009@mail.ru.

синтаксическая функция, главным образом, в качестве определения, а затем – в качестве сказуемого, а также субстантивация в позиции определения, кроме того, склонение и спряжение через это употребление. Когда причастию приписываются свойства имен, то более развернуто рассматривается его синтаксис (функция в качестве главного и зависимого сказуемого наравне с его определительным употреблением) и морфология (склонение и спряжение) как его непосредственное свойство.

В терминах тюркских языков также отражается сопоставление причастий с прилагательным в его определительной функции (башк., тат., каракалп., уйгурск., ног., азерб., тур.), с именем (туркм., казах., кирг., узб., карач.-балк., якут.) и русским причастием (кумык., хакасск., чувашск.) [4, 81].

Причастия в немецком, английском и других языках имеют широкие синтаксические функции и обусловленные этим морфологические разнообразные способы выражения [11, 202-222; 3, 350; 4, 98; 12]. В современном русском языке причастие выступает только в качестве определения и не имеет категорий наклонения и лица [13, 506], хотя в историческом прошлом причастие русского языка имело иное чем сейчас свойство, напоминающее тюркские причастия [14, 95].

Во всех определениях понятия причастия в тюркских языках особо выделяется его функция в качестве определения, ибо это является всеобъемлющим его свойством. Употребление причастия в качестве сказуемого простого предложения одни исследователи признают и тогда, когда говорят об «употреблении причастия как прилагательного» [15, 271; 16, 230], другие же – когда пишут, что «причастие обладает признаками прилагательного», но отрицают употребление причастия в качестве сказуемого и простого, и придаточного предложений [2, 251; 17, 210; 18, 302 и др.], считая, что в предикативном употреблении это уже не причастие, а чистый глагол.

В отдельных тюркских языках имеются единичные причастия, имеющие только атрибутивное употребление, например, форма на **-мокчи** в узбекском [19, 48], форма на **-dacy** в древнейгузском языке [20, 10], форма на **-(y)an** в турецком языке [2, 251]. Все остальные причастия тюркских языков многофункциональны. Они имеют атрибутивное и предикативное употребление, например, форма на **-aаччы** в якутском [21, 224], формы на **-ар** и **-мыш** в турецком языке [2, 251]. Некоторые причастия обладают формами с широкими синтаксическими функциями, например, форма на **-зан** во многих тюркских языках, формы на **-dik** и **-асак** в турецком, **-быт**, **-ар**, **-ых** в якутском и др. Таким образом, самой всеобъемлющей синтаксической функцией причастий тюркских языков является их определительное употребление. В то же время характерной функцией тюркских языков все же является их употребление в роли определения и сказуемого простого предложения. В качестве сказуемого они, сочетаясь с другим предикативным членом пред-

ложения, часто могут стать зависимым предикативным членом предложения, который в свою очередь в зависимости от синтаксических отношений с управляемым глаголом выполняет функцию подлежащего, дополнения и разных обстоятельств. Не углубляясь в данный момент в спор о предикативности и непредикативности якутских причастий в этой функции, мы констатируем только факт их синтаксической роли (табл. 1).

Таблица 1

Классификация причастий якутского языка по их синтаксическим функциям

Причастия	Определение	Сказуемое	Зависимый предикативный член			
			Определение	Подлежащее	Дополнение	Обстоятельство
1. <i>-быт</i>	+	+	+	+	+	+
2. <i>-батах</i>	+	+	+	+	+	+
3. <i>-ар</i>	+	+	+	+	+	+
4. <i>-бат</i>	+	+	+	+	+	+
5. <i>-ых</i>	+	+	+	+	+	+
6. <i>-мыах/-ыа суох</i>	+	+	+	+	+	+
7. <i>-а илик</i>	+	+	+	+	+	+
8. <i>-ааччы</i>	+	+	[-	-	-	-
9. <i>-ааччыта суох</i>	+	+	-	-	-	-
10. <i>-быттаах</i>	+	+	-	+	+	[-
11. <i>-батахтаах</i>	[-	+	-	+	+	
12. <i>-ардаах</i>	+	+	+	+	+	
13. <i>-баттаах</i>	[-	+	[-	+	+	
14. <i>-ыхтаах</i>	+	+	+	+	+	
15. <i>-ымыахтаах</i>	+	+	+	+	+	
16. <i>-ыа суохтаах</i>	+	+	+	+	+	

Якутские причастия независимо от времени происхождения все полифункциональны. Вместе с тем вторичные причастия в определительной функции менее употребительны, в особенности причастия на **-ааччы**, **-ааччыта суох**, **-батахтаах**, **-баттаах**, чем в сказуемостной. Причастия якутского языка, по утверждению Е.И. Убрятовой, являются специальными формами глагола, которые образуют сложноподчиненные предложения способом управления [4, 98-102]. Другие тюркологи также рассматривают причастия тюркских языков как формы, при помощи которых «простое предложение трансформируется в развернутый член предложения» [22, 263; 6, 103; 23, 408]. Тем самым функцию причастия в качестве зависимого предикативного члена можно считать и одним из его синтаксических классификаторов. В этом

плане вторичные причастия якутского языка, образованные от первичных причастий на **-быт/-батах**, **-ар/-бат** и **-ых/-мых**, в роли зависимого предикативного члена малоупотребительны, а причастие на **-ааччы/-ааччыта суох** не употребляется. Таким образом, возможно, функция «трансформатора» простого предложения в зависимое не является «особым предназначением» причастия, а является следствием каких-то семантических свойств или синтаксических функций первичных причастных форм.

Все причастия тюркских языков объединяет их временная семантика – временная, время-модальная и видо-временная в зависимости от того, какое время выражает данная форма, благодаря которой они обозначают признак или свойство предмета и субъекта через его отношение к данному действию. В термине «причастие» в общем языкознании закреплено временное значение, оно, как и определительная функция, является основным его свойством. В русском языке для причастия ведущим (основным) признаком является его определительная функция, которая выражает признак предмета через его отношение к действию в определенном видо-временном параметре. Для русского языка причастия действительного залога всегда обозначают активный признак, а страдательного – пассивный [13]. Причастия якутского и тюркских языков могут быть определением к любому предмету, как способному, так и не способному производить данное действие независимо от значения залога.

Утуйар оҕо `спящий ребенок; ребенок который спит (должен спать)`.

Утуйар хос `комната, в которой спят; спальная комната`.

Утуйар кэм `время, когда надо спать; время, назначенное для сна`.

Утуйар таңас `постель, назначенная для сна; спальная постель`.

Утуйар сир `место, где спят; место, назначенное для сна, спальня`.

Утуйсар оҕо `ребенок, который спит вместе`

Утуйсар хос `комната, назначенная для совместного сна`.

Для них (предметов) это совершенно несущественно – быть субъектом или объектом действия, потому что причастие в них определяет предмет не только по его отношению к данному действию, но также и по отношению данного действия к определяемому предмету, т.е., с одной стороны, предмет-определяемое может быть субъектом и объектом действия, выраженного причастием, а с другой стороны, его объектом, может быть местом, временем, орудием и иным атрибутом для направления действия, выраженного причастием. При таких свободных объектно-субъектных отношениях тюркского причастия с определяемым словом временная корреляция причастий тоже становится более или менее свободной. Если причастия русского языка в действительном залоге имеют лишь две формы: настоящего и прошедшего, а в стра-

дательном – только прошедшего, то причастия якутского языка всех трех временных форм могут употребляться в любом залоге и виде (табл. 2).

Таблица 2

**Семантика причастных форм якутского языка
в определительной функции**

Причастия	Определительные словосочетания	Значения
<i>-бүт/-бөтөх</i>	Көрбүт (көрбөтөх) оҕо -`увидевший (не увидевший) ребенок`	результат, прошедшее время
<i>-өр/-бөт</i>	Көрөр (көрбөт) оҕо -`смотрящий (не смотрящий) ребенок`	постоянное, настоящее время
<i>-үөх/-мүөх</i>	Көрүөх (көрүмүөх) оҕо -`могуший увидеть (не увидеть) ребенок`	возможное, будущее время
<i>-ө илик</i>	Көрө илик оҕо -`еще не увидевший ребенок`	несовершенное в данный момент действие
<i>-өөччү</i>	Көрөөччү оҕо -`имеющий обыкновение увидеть ребенок`	обычно совершаемое действие
<i>- ө ө ч ч ү т э суох</i>	Көрөөччүтэ суох оҕо -`имя: `ребенок, у которого отсутствует тот, который бы присмотрел за ним, ребенок без присмотра`	обладание субъектом действия
<i>-бүттээх/ -бөтөхтөөх</i>	Көрбүттээх (көрбөтөхтөөх) оҕо -`ребенок увидевший (не увидевший) раз`	эпизодическое, результативное прошедшее время
<i>-өрдөөх/ -бөттөөх</i>	Көрөрдөөх (көрбөттөөх) оҕо -`ребенок, который (не) обязан увидеть` -`ребенок, имеющий того, который бы за ним присмотрел`	долженствование
<i>-үөхтээх/ -үмүөхтээх</i>	Көрүөхтээх (көрүмүөхтээх) оҕо -`ребенок, который (не) должен увидеть` -`ребенок, имеющий того, который бы за ним присмотрел`	долженствование

Первичные причастия якутского языка, как и причастия других тюркских языков, в основном, выражают временное значение. При этом причастию прошедшего времени на **-быт/-батах** свойственен видовой оттенок результативности, причастию настоящего времени на **-ар/-бат** – постоянное и длительное действие, причастию будущего времени на **-ых/-мых** – модальное значение долженствования и возможности.

Таблица 3

**Семантика и функции отглагольных имен
и функциональных форм глагола якутского языка**

Отглагольные формы	Значения	Функция в предложении
Имя действия	Процесс	Субстантивный член, редко: сказуемое придаточного времени
Имя деятеля	видовое: назначение, орудие, объект	Субстантивный член, редко: простое определение
Видовая форма глагола	Количественно-качественное	отдельная процессуальная категория
Личный глагол	время-модальное и видо-временное, модальное	сказуемое конечное
Деепричастие	относительное время, время-модальное	обстоятельство, зависимый предикативный член (ЗПЧ), составное сказуемое (основа видовой формы)
Причастие	время-модальное, видо-временное, модальное	сказуемое конечное, определение, ЗПЧ, редко: имя существительное и наречие
Инфинитив	побудительно-целевое	сказуемое, редко: ЗПЧ

Вторичные причастия якутского языка, как и первичные причастия, распределены по трем временным параметрам, но в их семантике преобладают видо-модальные оттенки значения: 1) причастие на *-а илик* обозначает еще не совершенное в данный момент действие; 2) причастие на *-ааччы/-ааччыта суох* обозначает обычно совершаемое прошедшее действие, причастие на *-быттаах/-батахтаах* обозначает результативное, эпизодическое прошедшее время; 3) причастия на *-ыхтаах/-ымыхтаах, -а суохтаах, -ардаах/-баттаах* обозначают долженствовательную модальность.

Видовой оттенок чаще всего выражен у причастий, имеющих значение прошедшего времени, а модальный – у причастий со значением настояще-будущего времени. Видо-модальный оттенок значений меняется также в зависимости от их функции в предложении.

Дифференциация семантики глагольных функциональных форм тесно связана с их функцией в предложении. В тюркологии в этом направлении подобная проблема специально не ставилась, если не считать обстоятельную статью П.И. Кузнецова [3, 40-71], где автор проводит вполне обоснованную попытку объяснения происхождения функциональных и субстантивно-именных форм глагола.

Анализ отглагольных имен и функциональных форм глагола, видовых (процессуальных) и эмоционально-экспрессивных его форм показывает, что в якутском языке их семантика имеет не только своеобразные и взаимно-обусловленные значения, они имеют также свои определенные морфологические и функциональные рамки (табл. 3).

Образование определенной функциональной формы рассматривается в связи с происхождением глагола от единой глагольно-именной основы [24, 379; 25, 8] на основании положения, по которому первыми глагольными формами были имена-глаголы [26, 116; 27, 548] или отглагольные имена [28, 35; 29, 116], от которых произошли категории наклонения и времени [27, 415] и временные формы [30, 299; 31, 19-22]. Впоследствии тюркологи стали более конкретно указывать путь развития глагольных функциональных форм. Так, в обобщающей «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» было выдвинуто положение о том, что первоначально от адъективных глагольных имен произошли причастия [32, 445]. О происхождении от причастных форм глагола временных форм и наклонений писали Н.А.Баскаков [33, 205-217], Е.И.Убрятова [4, 46-100], И.В.Кормушин [34, 10] и др. Так было выдвинуто положение о том, что первоначально от объективных глагольных имен произошли причастия [32, 445].

Дифференциация функциональных форм глагола происходила в результате от их синтаксического употребления в предложении, если объяснить происхождение глагола и его грамматических форм, исходя из коммуникативных функций языка, то первой глагольной кате-

горией должна была быть повелительно-побудительная форма и через нее произошли другие функциональные формы глагола. Принятая в тюркологии гипотеза единства имя-глагольной основы предполагает признание происхождения формы изъявительного наклонения (временных форм) непосредственно из имя-глагольной основы или отглагольных имен и прилагательных. В гипотезе в основном правильно обосновывается именной характер морфологии и синтаксиса тюркских языков, но в разъяснении происхождения самих глагольных форм содержится много противоречий [35, 140; 3, 50]. Для устранения несогласующихся положений о происхождении временных форм и глагольных имен П.И. Кузнецов выдвинул новую гипотезу, по которой первыми формами глагола являются «неспрягаемые временные основы», от них параллельно развились, во-первых, «спрягаемые аффиксом сказуемости временные формы», во-вторых, неспрягаемые зависимые формы. Впоследствии от спрягаемых временных форм произошли спрягаемые «усеченным аффиксом» конечные формы, а от неспрягаемых зависимых форм произошли спрягаемые «аффиксом

принадлежности» причастные формы, затем от последних – отглагольные имена [3, 70].

П.И. Кузнецов глубоко прав, когда пишет, что значение времени в причастии сформировалось потому, что “исходной семантической позицией глагола является сказуемое”. Но когда он начинает убеждать, что семантика времени конкретнее, чем название деятеля или имя действия (глагольные имена), то возникают сомнения в верности логически выстроенной теории происхождения временных форм и имени действия в тюркских языках. Значение времени глубоко абстрактно и оно не могло возникнуть вне установления понятия момента речи. А момент речи говорящего мог выделиться только в результате развития видо-процессуальной категории глагола, либо он основан на менее абстрактном количественно-качественном признаке действия.

Эта гипотеза объясняет поствербальное происхождение временных и отглагольных форм, и оно исходит из того, что глагол – конечная синтаксическая часть речи, занимающая постпозицию в предложении. В то же время открытой остается суть вопроса, т.к. она не объясняет самую сложную задачу – появление временных форм в тюркских языках. Если первоначальной функциональной формой глагола в тюркских языках была временная предикативная форма, выражающая общее действие (3-е лицо), то почему она одновременно не могла обозначать и его деятеля? Название действия без формы спряжения (*мин барар* ‘я иду’, *мин барбыт* ‘я ушел’ и т.д.) есть именное проявление слова. Таким образом, первая функциональная форма, имеющая временное значение, не могла быть чисто финитной, а должна была быть полифункциональной, одновременно обозначающей и действие (как предикат и как признак), и самого деятеля.

Подобное употребление глагола могло возникнуть через нулевое спряжение основы глагола – динамического признака. Например, глагол *бар* одновременно обозначал действие как признак: *Мин (эн, кини) бар* ‘я (ты, он) иду (шел, идущий, шедший)’, который впоследствии через дублирование местоименного субъектно-объектного показателя в глаголе образовал залоговые формы, затем дублирование обстоятельственного слова, обозначающего качественно-процессуальное значение в глаголе, видимо, образовало видо-временные формы, от которых и произошли первичные полифункциональные формы глагола.

Эти первичные формы как признаково-глагольные основы изначально были многофункциональными, временная семантика которых, как правильно предполагает П.И. Кузнецов, в качестве особой категории становилась и дифференцировалась в их финитном употреблении. Первичные деепричастия и форма условного наклонения на *-са (-тах, -тар)* характеризуют те далеко еще несформировавшиеся относительные видо-временные формы, у которых отсутствовало спряжение по лицам.

Морфология причастий непосредственно связана с их функцией в предложении. Обоснованно сопоставля-

ются причастия с именами прилагательными, т.к. часть словоизменения причастий связана с их субстантивацией в позиции определения (простое и притяжательное склонение, спряжение с аффиксом принадлежности). Предикативное употребление в качестве финитной формы и предикативное склонение причастий в современных тюркских языках является их функциональной сущностью, сформировавшейся из своеобразной морфологии и синтаксической структуры предложения тюркских языков.

Причастия якутского языка в определительной функции выступают в качестве простого определения и сказуемого определительного придаточного предложения. В первом случае причастие примыкает к определяемому: *Хойутаабыт оҕо хомойон ытыыр* ‘опоздавший ребенок расстроившись плачет’; во втором – присоединяется аффиксом принадлежности: (*Манчаары ыллаабыт*) [*ырыата умнуллубат*] ‘не забывается песня, которую пел Манчаары’.

Примыкающее причастие часто замещает определяемое слово и перенимает его морфологические свойства: склоняется, присоединяет аффикс множественного числа, принадлежности, но не спрягается по лицам. Причастие, сочетающееся с аффиксом принадлежности также употребляется вместо определяемого слова и склоняется. При этом притяжательный аффикс не снимает полностью предикативное значение словосочетания, ибо в данном словосочетании выражаются и предикативные, и притяжательные словосочетания: *Манчаары ыллаабыта* 1) то, что пел Манчаары и 2) Манчаары пел. Поэтому предложение *Манчаары ыллаабыта умнуллубат* переводится двояко: ‘не забывается то, что пел Манчаары’ и ‘спетое Манчаары не забывается’.

Причастный изафет в якутском языке – нехарактерное явление, поэтому Е.И. Убрятова отрицает употребление причастий с аффиксом принадлежности. Это относится не к примыкающему определительному словосочетанию, где субстантивное употребление причастий Е.И. Убрятова рассматривает как переход их в имена существительные или как ‘заместительное’ употребление. Словосочетание типа *Манчаары ыллаабыта* она называет не изафетом, а согласованием. Чтобы это словосочетание стало изафетом, причастие *ыллаабыт* должно обозначать ‘спевший’, тогда оно должно переводиться ‘его спевший (человек) Манчаары’. В подобном значении причастия якутского языка почти не употребляются. Как упоминалось выше, подобные словосочетания не однозначны. Для Е.И. Убрятовой причастным изафетом выступает определительное предикативное словосочетание: (*Манчаары ыллаабыт*) [*ырыата*] ‘песня, которую пел Манчаары’.

В заместительном значении причастия в изафете употребляются неравномерно, и не все глагольные основы образуют причастия со значением имен действующего лица и объекта действия. Тем самым причастия напоминают прилагательные, этим и отличаются от имен суще-

ствительных, которые везде и всегда образуют изафетные словосочетания.

В тюркских языках определительные предикативные конструкции оформляются наряду с аналогичным якутским вариантом с помощью родительного падежа при подлежащем или причастном предикативном члене [36, 78, 37, 102]. Подобные определительные конструкции одни считают предикативными [38, 39, 7, 40], т.е. считают такую связь согласованием, У.А. Алиев – единством управления и согласования [41], другие отрицают в них предикативное значение (А.П. Поцелуевский называет управлением [42], С.С. Майзель [43], С.Ж. Мусаев [37] – изафетом, Г. Айдаров [44], М.Б. Балакаев [45] – соподчинением, В.А. Аврорин [46] – отражением).

Отсутствие родительного падежа в якутском языке восполняется развитием категории принадлежности и притяжательно-предикативного склонения. Родительный падеж, как и личные местоимения, собственные имена, числительные, указательные и притяжательные местоимения, как аффиксы принадлежности, относятся к средствам выражения категории определенности. Об этом писали К. Гренбек [47, 82] и Е.И. Убрятова [4, 36], С.А. Соколов [48, 162] и др. Родительный падеж при подлежащем зависимого предложения выступает только как оформитель категории определенности, «когда говорящий желает выделить лицо зависимого действия» [49, 93]. В якутском языке элемент «н», как форма определенности, способствовал развитию местоименного, притяжательно-предикативного склонения. В настоящее время он сохранился как показатель 3 лица в сложном изафете. Например, *Баһылай оҕотун таңаһа* – 'Василия ребенка одежда (его)'. В 1 и 2 лицах аффиксы принадлежности достаточны для обозначения сложного изафета, а в 3 лице становится необходимой форма «н», обозначающая отношение для второго члена сложного изафета *оҕо таңаһа* 'одежда ребенка'.

В древности, очевидно, в 1, 2 лице элемент «н» присутствовал, о чем свидетельствуют не только наличие в 3 лице этого элемента, но и форма предикативно-притяжательного склонения якутского языка, где имеется элемент «н», который в других тюркских языках сохранился только в 3 лице склоняемого притяжательного имени. Элемент «н», видимо, имеет отношение и к развитию современных личных местоимений и аффикса сказуемости в тюркских языках.

Форма определенности на «н», форма принадлежности, родительный падеж и форма притяжательно-предикативного склонения в древности, очевидно, были не только взаимообусловленными, но и синонимичными по семантике формами. Поэтому в якутском языке вместо родительного падежа развилась система притяжательно-предикативного склонения. В определительном словосочетании форма родительного падежа в подлежащем компенсируется аффиксом принадлежности в определяемом. Родительный падеж в подлежащем и аффикс

принадлежности в определяемом являются в действительности грамматическим «излишеством». Вот почему родительный падеж в этом словосочетании обозначает только значение определенности, а не значение изафета и управления.

В якутском языке изафет стал по форме омонимом согласования. Например, *мин учууталым* 'мой учитель', 'я был учителем'. Первое словосочетание – изафет, второе – согласование, которое восходит к *учуутал этим* > *учууталым*. Подобные омоформы образуют и некоторые причастия: *мин барарым* 'мой уходящий'; 'я уходил'; 'мой уход'. *Мин барыаҕым* 'мой будущий (предстоящий) уходящий'; 'я уйду'; 'мой будущий уход'. *Мин барбытым* 'мой уходивший', 'я уехал'; 'мой уход' и т.д. Если *барарым* восходит к *барар этим*, то нет достоверных доказательств и ассоциаций происхождения спрягаемых форм *барбытым* от *барбыт этим* и *барыаҕым* от *барыах этим*. Теоретически подобное образование спряжения возможно, так как это возможно для причастий на *-ар/-бат* и для всех вторичных причастий якутского языка. Таким образом, аффикс принадлежности и спряжение с «аффиксом принадлежности» являются разными формами как по происхождению, так и по семантике. Все причастия якутского языка спрягаются «аффиксом принадлежности». При этом первичные причастия на *-быт/-батах*, *-ых/-ымыах* спрягаются кратким аффиксом сказуемости, все остальные – стяженным аффиксом связки *эт-* (*барбыттаах этим* > *бара илик этим* > *бара илигим* и т.д.). Все вторичные причастия якутского языка спрягаются и аффиксом сказуемости, что не характерно для первичных причастий. Только причастие на *-быт/-батах* может присоединить данный аффикс.

По типу спряжения все вторичные причастия относятся к именным формам. Вместе с тем нет основания говорить, что они первоначально были образованы для обозначения субъекта действия, тем более имени действия, ибо они больше употребляются как предикативно-финитные формы и обозначают какую-то модальность. У большинства вторичных причастий происхождение прозрачно, и они все полифункциональны.

Все три пары первичных причастий якутского языка спрягаются по разному. Причастия на *-ар/-бат* и *-ых/-мыах* не спрягаются аффиксом сказуемости, т.е. тогда они могут обозначать субъект действия. Например, *барарбын* 'я уходящий', *барыахпын* 'я будущий уходящий', *барымыахпын* 'я будущий не уходящий' (*барбаппын* – не ассоциируется как субъект, т.к. воспринимается как 'не ухожу', омоним отрицательной формы настоящего времени). Хотя в современном якутском языке подобное употребление не наблюдается, такой потенциальной семантикой они обладают. Причастие на *-быт/-батах*, спрягаясь аффиксом сказуемости, выступает не как субстантив «кто я», а обозначает видо-временное значение 'оказывается, я ушел', что ассоциируется как стяжение формы *барбыт эбиттин* > *барбытпын* 'оказывается я

ушел'. Потенциально *мин барбыппын* может обозначать 'я ушедший', что в языке не употребляется.

Неодинаковое спряжение причастий связано с их разным временем происхождения, от семантики и типа образования аффикса причастия. Все это также отражается и в склонении причастий.

Склоняемость – это основное свойство причастий. Причастия тюркских языков имеют отличный от имен существительных тип склонения. Специально занимавшаяся вопросами словосочетания и сложного предложения Е.И. Убрятова установила, что причастия якутского языка склоняются в позиции сказуемого предложения и тем самым образуют особое предикативное склонение, совпадающее по форме с притяжательным склонением [50, 4]. Парадигма этого типа склонения имеет всего шесть падежей (основной, дательный, винительный, исходный, инструментальный и сравнительный). Частный и совместный падежи не употребляются. Причастия, когда обозначают деятеля, объект действия, само действие, мыслимое отвлеченно, склоняются как существительное и имеют полную парадигму [51, 103]. Исходя из этого, можно выделить четыре типа склонения причастий якутского языка: простое, притяжательное, лично-предикативное и безлично-предикативное. В современном якутском языке чаще употребляются причастия в простом, очень активно – в лично-предикативном склонениях, а в притяжательном склонении причастия почти не употребляются, и в безлично-предикативном употребляются только некоторые падежи (табл. 4, 5).

В других тюркских языках форма притяжательно-предикативного склонения, как в якутском языке, специально не оформилась [52], видимо, поэтому исследователи тюркских причастий не пишут специально о типах склонения и не обращают внимания на формы падежей. Между тем форма притяжательно-предикативного склонения дает ключ к раскрытию так называемой «вторичной номинации» [6] и «субстанциональной» природы склонения [53, 32] причастий тюркских языков. Г.Ф. Благова пишет, что «именно из местоименной парадигмы чаще всего исходили импульсы, в конечном счете преобразовавшие именную, посессивно-именную парадигму по образцу местоименной» [54, 136]. Здесь говорится о выравнивании всех трех парадигм (именной, посессивно-именной и местоименной) склонений тюркских языков в одно общее. Мы считаем, что посессивно-именное склонение произошло от склонения местоимения (i)-, которое одновременно выступало как форма определенности и как заместитель притяжательного или предикативного словосочетания. Например: *Мин атым+(о)н+у ағаллым* > *мин аптын ағаллым* 'моя лошадь ту привел' > 'я привел (своего) коня'. *Мин барбытым (о)н+тон кэмсиммэппин* 'я ушел от того не каюсь' > 'я не каюсь того, что ушел'.

Вставочный «н» в посессивно-именном (притяжательном), предикативном и местоименном склонениях первоначально был синтаксическим явлением, выступал

в качестве именного сказуемого, который мог склоняться как указательное местоимение. Появление вставочного «н» дало тюркским языкам:

- 1) иллюзию склонения предложения со сказуемыми, выраженными причастиями и прилагательными;
- 2) иллюзию склонения изафетного словосочетания;
- 3) образование личного местоимения с добавочным «н» в конце, что способствовало образованию нового аффикса сказуемости;
- 4) в результате слияния вставочного «н» с аффиксом падежа образуется посессивно-именное склонение.

Оставшееся окончание воспринималось как аффикс принадлежности и как стяженный аффикс сказуемости. По мнению авторов книги «Предикативное склонение причастий...», предложение, спрягаемое полным аффиксом сказуемости, при склонении принимает аффикс принадлежности, т.е. меняет свое спряжение в посессивное [78, 176]. Г.Ф. Благова установила, что в результате выравнивания вставочный «н» в тюркских языках посессивно-именном в притяжательно-предикативном склонении сохранился только в 3-м лице единственного числа [79, 118-129]. Таким образом, сказуемое со вставочным «н» действительно склоняется и, слившись с первоначальным аффиксом лица, превращается в «полный» аффикс сказуемости, а вставочный «н», перешедший в аффикс падежа, требует, чтобы сказуемое свое лишнее «н» опустило. Например: *Эн үчүгэй + гин* 'ты хороший'. *Эн үчүгэйгиттэн үөрөбүт* 'радуемся от того, что ты хороший'. В данном случае склоняется будто словосочетание *Эн үчүгэйиң* 'твое хорошее' или 'ты был хороший' (*эн үчүгэй этиң* > *эн үчүгэйиң*). Семантически оба словосочетания не относятся к склоняемой форме.

Аффиксы множественного числа, падежа и принадлежности субстантивируют причастия тюркских языков. Данное явление связано с определительной функцией причастий, либо они замещают определяемое, либо эти аффиксы в древности употреблялись в качестве определяемого слова. Так как эти аффиксы присоединялись к субстантивам, они сами по себе не обладают субстантивирующей функцией. Например: *Эрдэ турбуттар элбэктик ооньбуулар* 'рано вставшие много играют'. *Аччыктаабыкка аһы көрдөрүмэ* 'голодавшему не показывай еду'. *Кыһаллыахпын ытырым суох* 'заботиться нету у меня плачущего'. В предикативном употреблении эти аффиксы не субстантивируют причастия, а обозначают иную функцию, чем субстантивированные причастия. Например: *Кинилэр бараллар* 'они уходят' (а не 'уходящие'), *мин барбытым* 'я ушел' (а не 'мой уходящий'), *кени кэлбитигэр үөрбүппүт* 'когда он приехал, мы радовались' (а не 'его приходящему'). Таким образом, эти аффиксы не являются средством субстантивации, а причастия принимают их, когда замещают определяемое слово или когда сами субстантивно употребляются. Притяжательное словосочетание и предикативное словосочетание (предложение) субстантивно употребляются благодаря

предикативно-притяжательному склонению, где номинализатором выступает не падежное окончание, а элемент «н» при нем. Но из глагольных функциональных форм, выступающих в качестве сказуемого простого предложения, склоняются только причастия. Поэтому их называют специальной формой глагола, образующей зависимое предикативное предложение способом управления [23], трансформатором простого предложения в развернутый член [55], субстанциональной формой глагола [6, 52], формой вторичной номинации [32] и др. В те времена, когда еще не было показателей лица, первыми отделились от функциональных форм первичные деепричастия. Склонение конечных полифункциональных глаголов (безличное склонение) появилось в это же время. Предикативное склонение сильно развилось с появлением местоименного спряжения. В современном якутском языке предикативное склонение возможно у тех функциональных форм, которые выступают в качестве определения и сказуемого, те функциональные формы, которые не употребляются в качестве определения, не склоняются, тем самым причастия проявляют свойства субстантивных слов, близких к прилагательным. Поэтому тюркологи считают, что причастия произошли от форм, близких к отглагольным прилагательным [4, 445].

Склонение причастных форм в современном якутском языке – это живое явление. Но в настоящее время оно не развивается, так как причастия склоняются по древней парадигме, где употребляются шесть современных падежей из восьми. Первичные, вторичные и поздние причастия склоняются по-разному. Именное склонение (простое и притяжательное) причастий связано с их заместительным употреблением и субстантивацией. Поэтому данное склонение не отличается от склонения имен существительных. Причастия потенциально могут неограниченно употребляться вместо определяемого существительного и склоняться вместо них, но в реальной языковой ситуации, особенно в притяжательном словосочетании, причастия почти не употребляются (в таблице дается их «потенция»).

Предикативное склонение (личное и безличное) показывает то, что в тюркских языках до появления личных склоняемых форм глагола существовал период безличных (неспрягаемых) конечных форм. Об этом свидетельствуют безличные падежи: древний количественный **-ча**, дательный **-га**, **-ха**, наречный **-лыы**, имеющие предикативное значение, а также употребление имени действия на **-ыы** в местном падеже (*кун тахсыыта* `во время восхода солнца`). Видимо, до этого и в это время появились условная форма на **-тар** (*-сар*), деепричастия (*-ан*, *-а/-ыы*, *-аат*, *-аары*), отглагольные наречия (*-а*, *-чыы*, *-ы*) и прилагательные (*-ган*, *-гас*). Безличная парадигма имеет основной, дательный, исходный, сравнительный, количественный и наречный падежи.

Склоняются все причастия на **-ар/-быт**, **-быт/-батах**, **-ыхах/-мыах** и **-тах**, **-а илик**, но имеют разную парадигму и неодинаковые значения. В современном якутском

языке чаще всего употребляются дательный, сравнительный и наречный падежи. Лично-предикативное склонение, связанное с развитием личных окончаний, имеет местоименную парадигму. Склоняются все конечные формы (причастные и лично-глагольные) кроме тех, которые перешли в деепричастия и другие разряды слов, а также время-модальных отпричастных форм, образованных путем стяжения, присоединения дополнительных элементов. Все причастия кроме **-ааччы/-ааччыта суох** склоняются по семи падежам (основному, дательному, винительному, исходному, инструментальному, сравнительному и наречному). Причастие на **-батахтаах** почти не склоняется, а причастие на **-тах** употребляется в исходном и местном падежах. Также местный падеж имеют причастия на **-батах** и **-а илик**. Местный падеж этих причастий обозначает временное и условное значения, семантику места редко показывает имя действия на **-ыы** [56, 122-132]. Употребление местного падежа интересно тем, что он характеризует сибирский период развития якутского языка. В этом падеже употребляются причастия на **-тах**, **-батах**, **-а илик**, имя действия на **-ыы**, имя наличия *баар* `есть`, имя отрицания *суох* `нет`; имеются конструкции причастий с послелогом *-арын сағана*, *-ыағын* (*-ыан*) *иннинэ*, *-бытын кэннинэ* (*кэннэ*) (табл. 4).

Таблица 4

Предикативное склонение причастий якутского языка

Падежи	Основной	Частный	Дательный	Винительный	Исходный	Инструмент.	Совместный	Сравнительный	Количественный	Местный	Наречный -лыы
-ар	+	-	+	+	+	+	-	+	-	-	+
-бат	+	-	0	+	+	+	-	0	-	-	+
-быт	+	-	+	+	+	+	-	+	0	-	+
-батах	+	-	+	+	+	+	-	+	-	+	+
-ыхах	+	-	+	+	+	+	-	+	0	-	+
-мыах	+	-	+	+	+	+	-	+	0	-	+
-ыа суох	+	-	0	+	+	+	-	+	0	-	+
-ааччы	-	-	-	[-	-	-	-	[-	-	-	-
-ааччыта суох	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-а илик	+	-	+	+	+	+	-	[-	-	+	+
-ардаах	+	-	[-	+	+	+	-	[-	-	-	+
-баттаах	+	-	0	+	[-	+	-	[-	-	-	[-
-быттаах	+	-	+	+	+	+	-	[-	-	-	+
-батахтаах	+	-	[-	+	[-	[-	-	-	-	-	+
-ыхахтаах	+	-	+	+	+	+	-	+	-	-	+
-мыахтаах	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+
-ыа суохтаах	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+
-тах	-	-	-	[-	+	-	-	[-	-	+	-

Примечание: (+ -предикативное склонение, 0 -безличное склонение, [- -возможность, - -отсутствие склонения)

Таблица 5

Именное склонение причастий якутского языка

Падежи	Основной	Частный	Дательный	Винительный	Исходный	Инструмент.	Совместный	Сравнительный	Количественный	Местный	Наречный -лыы
-ар	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-бат	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-быт	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-батах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-ыах	+	[-]	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-мыах (-ыа суох)	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-ааччы	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-ааччы- та суох	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	[-]
-а илик	+	[-]	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-ардаах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-бат- таах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-быт- таах	+	[-]	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-батах- таах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-ыах- таах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-мыах- таах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-ыа суохтаах	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
-тах	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: (+ -предикативное склонение, 0 -безличное склонение, [- -возможность, - -отсутствие склонения)

Дательный падеж в тюркских языках от причастия на **-ар** и имени действия на **-мак** образует инфинитивы. Инфинитивы от причастия на **-ар** имеются в татарском, алтайском, карачаево-балкарском, тофском, башкирском, хакасском языках. Тем самым данная форма может быть характерной чертой кыпчакских языков Поволжья и Сибири. Инфинитивы **-тахха/-батахха, -ыахха, -ымыахха, -ыа суохха** имеются только в якутском языке. Современные объектные инфинитивы со значением цели в тюркских языках, видимо, стали складываться под воздействием письменных языков. Формами этих инфинитивов начали выступать уже имеющиеся формы двойственных чисел, падежные формы причастий, имена действия со значением процессуальности и др. Поэтому инфинитивные формы тюркских языков многообразны, очевидно, неоднозначны и их значения, морфология и синтаксис.

Падежную форму на **-ча** можно увидеть в памятниках древнетюркского и древнеуйгурского языков [57,

175]. В форме количественного падежа употребляются причастия на **-быт, -ыах, -мыах**. Возможно, так склонялись и причастия на **-тах, -батах** и **-а илик**. Склонение **-быт** и **-тах** формой на **-ча** в турецком языке отмечали А.Н. Кононов [58, 235] и Н.З. Гаджиева [32, 12]. Форму на **-ча** считают раннетюркским «недоразвившимся» падежом [59, 40]. В сибирско-тюркских языках форма на **-ча/-же** трактуется по-разному. В тувинском ее называют направительным падежом [60, 138], в тофском – продольным падежом [4, 44], в якутском – древним падежом на **-ча** [61, 132], в алтайском [62, 518], в шорском [63, 64], в хакасском [64, 119; 30, 109], в якутском [29, 293] – аффиксом словообразования наречий. Этот аффикс считается общеалтайским [65, 51, 60, 191], в тюркских языках семантически передает множество значений: количества, сравнения, места, направления, уподобления, продольности и др. [66], но общим, объединяющим является значение предельности [32, 34].

Форму на **-ча** в тюркских языках можно считать омонимами [32, 101-103]: словообразовательной (*оччо* `столько`, *бачча* `вот сколько`, *итиччэ* `вот столько`, *уонча* `около десяти`), словоизменительной *барбычча* `уходя`, *барымыахча* `еле не уходя`) и местно-направительной. В сибирско-тюркских языках это последнее значение наиболее развито, тогда как в якутском оно утеряно или не развилось. Аффикс **-ча** в алтайском языке присоединяется к причестию на **-зан** в личной и безличной форме и придает в личной форме значение `так, как`. Например: *ол мениң айтканымча иштеген* `он работал так, как я ему сказал`. Безличная форма причастия на **-зан** с аффиксом на **-ча** имеет значение предшествования, предела, например: *бичикти карганак уйкузы келгенче кычыратан болгон* `обычно старичок читал до тех пор, пока не одолевал его сон`. Образа действия, например: *ат чачылган кижини сууртегенче кырды төмөн ойлой берди* `волока всадника лошадь умчалась под гору` и т.д. Таким образом, **-ча** в алтайском языке имеет полное предикативное употребление.

Из всего сказанного можно сделать следующие краткие выводы:

1. Причастие в тюркских языках – это форма глагола, обозначающая видо-временное, временное, время-модальное значения, приписываемые лицу или предмету как их признак (свойство) или действие и состояние. Определяющей синтаксической особенностью является атрибутивность и предиктивность, через которые оно выступает в качестве всех членов предложения и зависимого предикативного члена с тем же значениями. Морфологической особенностью причастий является глагольно-именное словоизменение, именное словоизменение реализуется через предикативное употребление и притяжательно-предикативное словосочетание, а также безлично-субстантивное (безлично-предикативное) слово- и формообразование.

2. Причастия якутского языка по происхождению делятся на две группы: первичные, это по состоянию нынешней тюркологической науки, непроезженные причастия (-ар, -бат, -быт, -батах, -ых, -мыах, -тах). Причастие на -тах в современном якутском языке сохранило только часть своих свойств и перешло в личную форму глагола. Вторичные причастия, это по происхождению более поздние, по составу – сложные. Причастие на -ааччы, -ааччыта суох, -ыа суох, -а илик, -ардаах, -баттаах, -ыхтаах, -ымыахтаах, -ыа суохтаах, -быттаах, -батахтаах. Вторичные причастия в свою очередь делятся на причастия, характеризующие сибирскую общность (-ааччы, -ааччыта суох, -а илик), и причастия собственно якутского происхождения (все остальные вторичные).

Вторичные причастия с точки зрения их образования делятся на: 1) связанные с аффиксом -гу/-гы – причастие на -ыа суох, -ыа суохтаах, -ыа илик > -а илик; 2) связанные с аффиксом -лаах: -ыхтаах, -ымыахтаах, -ыа суох-таах, -ардаах, -баттаах, -быттаах, -батахтаах; 3) происшедшие от первичных причастий – -ардаах, -баттаах, -ыхтаах, -ымыахтаах, -быттаах, -батахтаах; 4) имеющие слово суох `нет` – -ыа суох, -ыа суохтаах, -ааччыта суох; 5) сложные -ааччы > -аат + чы.

3. Причастия якутского языка по грамматической семантике (по преобладающему значению) делятся на временные -ар/-бат (причастие настоящего-будущего времени); -ых/-мыах, -ыа суох (причастие будущего времени с оттенками долженствования, возможности); -быт/-батах (причастие прошедшего времени с видовыми оттенками завершенности, законченности, давности, эпизодичности); видовые -ааччы/-ааччыта суох (многократности, обычно совершаемости); -быттаах/-батахтаах (эпизодичности, результативности -аилик (несовершенности); модальности -ыхтаах/-ымыахтаах/-ыасуохтаах, -ардаах/-баттаах (долженствования). Семантика причастий модифицируется в зависимости от их синтаксической функции в предложении. В определительной функции временные значения менее актуальны, а в зависимом предикативном употреблении актуальны объектно-субъектные и обстоятельственные значения. В лично-глагольной функции причастия более полно проявляют временные, видовые и модальные значения.

4. Все причастия якутского языка полифункциональны и выступают в предложении в качестве определения и определительного придаточного предложения; подлежащего, дополнения, обстоятельства и придаточного подлежащего, дополнительного и обстоятельственного предложений; сказуемого главного предложения.

5. Морфология причастий якутского языка характеризуется следующими особенностями:

1) сохраняет все глагольные свойства (управление, семантику глагольности, отрицание, переходность/непереходность, залог, процессуальность, категорию уменьшительности, спряжение);

2) обладает морфологическими свойствами прилагательных (примыкание и изафет) в функции определения,

субстантивно-заместительное употребление и при этом именное склонение, присоединение аффикса множественного числа; в качестве сказуемого имеет возможность предикативного склонения: безличное и личное. Только причастие на -ааччы/-ааччыта суох не склоняется и не употребляется в качестве зависимого придаточного предложения, так как слова с этим аффиксом выступают и как отглагольные имена (табл. 4, 5);

3) в личном употреблении спрягаются «аффиксом принадлежности» (причастие на -ых/-ымыах, -быт, -батах, -тах), аффиксом сказуемости (первичное причастие на -быт/-батах и все вторичные причастия), стяженной формой недостаточного глагола э- в форме категорического прошедшего времени на -т (первичное причастие на -ар/-бат и все вторичные причастия).

Одной из классификационных особенностей причастия являются его словообразование и формообразование. Все вторичные причастия, если не считать их употребление с наречным падежом, не участвуют в слово- и формообразованиях. Из первичных причастий именное и глагольное словообразование имеет причастие на -ых, глагольное словообразование имеют все первичные причастия и причастие на -а илик. Первичные причастия широко употребляются для образования видо-временных и время-модальных форм глагола.

Л и т е р а т у р а

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
2. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – М.-Л. Изд. АН СССР 1956. – 569 с.
3. Кузнецов П.И. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. – М., 1960. – С.40-71.
4. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч.II. Сложное предложение. – Новосибирск, 1976. – 376 с.
5. Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1992. – 146 с.
6. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 151 с.
7. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
8. Radloff W. Die Jakuten Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. –St-Pb., 1908. –87 s.
9. Хангишиев Дж.М. Причастие в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1966. – 24 с.
10. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л., 1960. – 446 с.
11. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. –М., 1955 – 391 с.
12. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. – М.; Л.: Наука, 1960. – 194 с.
13. Грамматика русского языка. Т.2 Синтаксис. ч.2. – М. 1954. – 704 с.

14. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
15. Казем-Бек А.М. Общая грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1846. – 467 с.
16. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 298 с.
17. Ушаков Е.И. Синтаксические функции формы на -ган в современном уйгурском языке /на материале уйгуров, живущих в Синь-Цзяне/: Автореф. дис. ... канд. – М., 1956. – 19 с.
18. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 344 с.
19. Шахназарова М.Д. Синтаксис причастия в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент: ФАН, 1971. – 51 с.
20. Телицын Н.Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке: Автореф. дис.канд. филол. наук. – Л., 1990. – 22 с.
21. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
22. Баскаков Н.А. Система спряжения и изменение слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1956. – С. 263-303.
23. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. – 408 с.
24. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. – М., 1966. – 437 с.
25. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков /глагол/. – Л.: Наука, 1981. – 184 с.
26. Кононов А.Н. Происхождение прошедшего-категорического времени в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1. – М.; Л. 1951. – С. 112-119.
27. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. Ч. I. – М.: Изд-во АН СССР. – 1952. – 443 с.
28. Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1939. – 60 с.
29. Рамstedт Г.Н. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957. – 254 с.
30. Бетлингк О.Н. О языке якутов Перевод В.И. Рассадина Под редакцией Е.И. Убрятовой. – Новосибирск, 1990. – 646 с.
31. Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. – С.-Пб.: 1900. – 297 с.
32. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
33. Баскаков Н.А. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках // Труды МИВ, 1951. – № 6. – С. 205-217.
34. Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. – М., 1984. – 86 с.
35. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Учебное пособие для вузов. – Баку, 1979. – 304 с.
36. Есипова А.В. Определительные функции причастия в шорском языке. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 129 с.
37. Мусаев С.Ж. Парадигматические типы причастных конструкций в киргизском языке. – Фрунзе, 1987. – 60 с.
38. Айляров Ш.С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 230 с.
39. Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. – Вып. 3. – Фрунзе, 1940. – 164 с.
40. Коклякова А.А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963. – 224 с.
41. Алиев У.А. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М., 1972. – 351 с.
42. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. – Ашхабад: Туркменгосиздат, 1943. – 100 с.
43. Майзель С.С. Изафет в турецком языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 186 с.
44. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности 8 века. – Алма-Ата, 1971. – 380 с.
45. Балакаев М.Б. Современный казахский язык (синтаксис словосочетания и простого предложения). – Алма-Ата, 1959. – 235 с.
46. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I-II. – М.; Л., 1959. – 282 с.
47. Grönbech K. Der turkische sprachbau. – Kopenhagen, 1936. – S. 86.
48. Соколов С.А. К вопросу о классификации сложных предложений в современном турецком литературном языке // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 156-164.
49. Есипова А.В. Определительные функции причастия в шорском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1982. – 20 с.
50. Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке// Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 3-11.
51. Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М., 1962. – 304 с.
52. Гузев В.Г. Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте: на материале старо-анатолийско-тюркского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1986. – 30 с.
53. Иванов С.Н. Родословное древо турок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. – Ташкент, 1969. – 202 с.
54. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1984. – 192 с.
55. Иванов С.Н. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на -ган в узбекском языке // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 103-107.
56. Gabain A. Altürkische Grammatik 2. verbesserte Auflage. – Leipzig, 1950. – 373 с.
57. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – М.; Л., 1941. – 312 с.
58. Гаджиева Н.З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. – М., 1963. – 219 с.
59. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 472 с.
60. Рассадина В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
61. Баскаков Н.А. Алтайский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. – М., 1966. – С. 506-522.
62. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1941. – 307 с.
63. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. – Абакан, 1948. – 160 с.
64. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975. – 418 с.

65. Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. Перевод с польского. – М., 1962. – 372 с.

66. Щербак А.М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках // Советская тюркология. – 1974. – №1. – С. 31-41.

G.G. Filippov

Participles in a verbs form system

The author considers a problem of participles in complex-system, functional – diachronous and synchronous aspect. The participles of the Yakut language as the multifunctional form of the verb most boldly contain triune historical essence of the modern functional forms of a verb: participles, verbal adverbs, (indicative) and the personal form of a verb.

Key words: a verb, the functional form of a verb, a participle, a verbal adverb, personal (finite) the form of a verb, an infinitive, a name of action, a verbal name, a predicative member, a substantive member, substantivation, verbalization, adverbialization, declination, simple declination, predicative declination, impersonal declination, pronominal declination, nominal declination, possessive declination.

УДК 801.6:7.031

Л.С. Ефимова

АЛГЫСЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТОВО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ ЯКУТОВ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЭПИТЕТАЦИИ

Рассмотрены и выявлены общие черты поэтики обычных и шаманских алгысов, входящих в систему кульново-обрядовой поэзии якутов на примере сравнительно-сопоставительного анализа эпитетации Духа-хозяина огня.

Ключевые слова: дух-хозяин огня, кульново-обрядовая поэзия, обряд, алгыс, шаман, шаманские камлания, поэтика, эпитет.

В российской фольклористике не уделяется должного внимания классификации устно-поэтических произведений, входящих в комплекс обрядовой культуры и шаманской практики. В научной литературе тексты шаманских камланий принято относить к культовой поэзии, поэтика безрелигиозных обрядов считается обрядовой поэзией. Такое деление весьма условное.

Первоначально культ выражался по преимуществу в форме магических действий обряда. Обряд, по мнению В.И. Ереминой, считается формой воплощения религиозных воззрений и является лишь одним из способов, посредством которого верование воплощается в действие [1]. Если обряд представляет собой практические действия, через которые проявляются мифологические представления и религиозные воззрения древних людей, тогда культ непосредственно выражался в обрядах. Значит, культ и обряд взаимосвязаны и разделить их практически невозможно.

Для обозначения произведений устного творчества, сопровождающих традиционные обряды якутов, включая шаманские камлания, больше подходит термин кульново-обрядовая поэзия. Эта поэзия основана на ду-

алистическом принципе видения мира древних якутов, по которому нормальное функционирование вселенной представлялось на основе борьбы доброго и злого начал. Мир у якутов разделен на үөһээ дойду ‘верхний мир’, в котором живут добрые силы Үрдүк Айыылар – Высшие божества культа Айыы. Верхний мир на южной стороне и аллараа дойду ‘нижний мир’ являлись обиталищем злых духов. Земля выступает основным объектом раздора между двумя мирами и называется орто дойду ‘срединный мир’. Доброе начало стало сущностью кульново-обрядовой поэзии якутов, она была нацелена на умиловивление как добрых, так и темных сил. В ней можно выделить три группы. К первой группе кульново-обрядовой поэзии можно отнести поэзию, посвященную культу божеств Айыы, ею владели айыы удабаана ‘жрица айыы’ и айыы ойууна ‘шаман племени айыы’. В научной литературе айыы ойууна предпочитают называть «белый шаман». Он служил посредником между добрыми духами и людьми. Предназначенной для умиротворения сил нижнего и отчасти верхнего миров кульново-обрядовой поэзией владели ойууттар ‘шаманы’. Ее можно отнести ко второй группе. Для общения с иччи ‘духами-хозяевами срединного мира’ кульново-обрядовой поэзией мог владеть любой, но предпочтение всегда отдавалось пожилому, наделенному опытом и мудростью человеку. Данную поэзию можно считать третьей группой. Все группы кульново-обрядовой поэзии якутов осуществляются через алгысы.

ЕФИМОВА Людмила Степановна – к. филол. н., доцент института языков и культуры народов СВ РФ СВФУ.

E-mail: Ludmilaxoco@mail.ru